

Дыхание постепенно выровнялось. Я невольно облизнул губы — его губ на них больше не было, и накатившая тоска мгновенно захлестнула меня с головой.

— Я так и не научился, — прошептал я.

Цзи Минчэнь провел пальцем по моим губам и с едва уловимой усмешкой тихо проговорил:

— Лгать — нехорошо.

— Но я ведь и впрямь глупый, — возразил я.

Разве может дурачок научиться чему-то новому с первого раза? Наставник, которого нанял для меня отец-император, заставлял меня перечитывать книги по три раза. Да что там три! Он мог бубнить надо мной весь день, а я всё равно ничего не запоминал. В конце концов седобородый великий наставник в сердцах пригрозил уйти в отставку, и отцу пришлось освободить его от должности.

Чтобы научить чему-то глупца, нужно великое терпение. Без него у меня ничего не выйдет.

— Вот как? — Цзи Минчэнь тихо рассмеялся. — Где же это видано, чтобы глупцы были столь сообразительными?

Меня впервые в жизни называли умным. Но радости это не принесло. Глупец не способен постичь всё с первого урока, а разумный — может. Значит, он просто больше не хочет меня учить.

Он лег рядом, и ложе подо мной слегка прогнулось. В темноте закрылись его глаза, что прежде сияли ярче вечерних звезд. Он и вправду твердо решил бросить эту затею.

Я прикусил губу, затем снова задел её языком. На губах всё еще оставался его вкус — нежный аромат распускающихся цветов персика, переплетенный со свежей сочностью мандарина.

Какой же он душистый... какой сладкий.

Оперевшись на локоть, я приподнялся и посмотрел на него сверху вниз. Долго всматривался в его лицо, но он не шелохнулся. Он не обращал на меня внимания.

— Но я и впрямь глупый... — обиженно пробормотал я.

Почему же тогда не учить меня дальше?

Едва слетели с губ эти слова, как его длинные ресницы дрогнули и приподнялись, открывая темные, блестящие глаза.

— И что же делать, если я привык давать только один урок? — спросил он.

Насмешливый тон подтолкнул мою мысль — кажется, мой разум еще никогда не работал так живо:

— Тогда... тогда я попробую сам! А ты посмотришь, правильно ли я понял. Хорошо?

Он молчал, лишь пристально смотрел на меня. Мое сердце сжалось от ожидания. Наконец, сдерживая смехок, он тихо откликнулся:

— Что ж, попробуй.

Согласился!

Затаив дыхание, я с почти молитвенным трепетом наклонился и припал к его губам.

Нежное прикосновение опять лишило меня мыслей. Всё, чему он пытался меня научить, мгновенно вылетело из головы.

Цзи Минчэнь медленно моргнул, словно подавая знак.

Ах да... я вспомнил! Нужно касаться языком.

Я несмело подался вперед, задевая его горячий язык, и по моему телу пронеслась дрожь.

В уголках его глаз притаилась ласковая улыбка — он будто хвалил меня за старание. Вдохновленный его одобряющим видом, я осмелел и зашел дальше. Цзи Минчэнь покорно позволил мне это, исподволь направляя и увлекая за собой. Голова снова пошла кругом. Задыхаясь, я припал к его груди.

Вот, оказывается, каков настоящий поцелуй — он полон пыла и натиска, но вместе с тем пронизан чуткой нежностью и заботой.

Когда наши губы наконец разомкнулись, мы оба едва могли дышать. Переведя дух, я с надеждой спросил:

— Я всё сделал правильно?

— Нет, — отозвался он.

Однако в моей душе не возникло и тени досады.

— Тогда я попробую еще раз.

И последовал новый поцелуй — страстный, неудержимый. На сей раз я не стал переспрашивать, а лишь сам пробормотал:

— Опять не так...

И вновь припал к его губам.

— Снова неверно.

— Не получается.

— Все еще плохо...

Я очнулся, ощущая в воздухе морозную свежесть выпавшего снега.

Сел на постели. В комнате я был один.

Стены, стол, оконные рамы и сама кровать — всё здесь было срублено из дерева. Естественный янтарный цвет древесины должен был дарить уют, но я испытывал лишь звенящую растерянность.

Кто я? Где нахожусь?

Смутное чувство подсказывало, что подле меня должен лежать кто-то еще, но память упорно молчала. В голове царила звенящая пустота, будто душа моя лишилась своих обитателей.

В этот миг дверь отворилась, и на пороге показался слуга с деревянным тазом в руках:

— Ваше Высочество проснулись! Наконец-то! Время уже к полудню клонится. А нынче у нас утренком первый снег повалил.

Я взглянул в окно: за стеклом крупными хлопьями кружилась метель.

Подойдя ближе, парень вдруг замер и изумленно всплеснул руками:

— Ой, Ваше Высочество, а что у вас с губами? Отчего они так припухли? Неужто ночью комары покусали? Да откуда им взяться-то... зима ведь на дворе!

Я недоуменно прикоснулся к губам — прикосновение отозвалось саднящей болью. Но как это вышло? Память была чиста, оставалось лишь неясное воспоминание о долгом, горячем трении.

Слуга хлопнул себя по лбу:

— Ах, глупая моя голова! Совсем забыл: господин Цзи ни свет ни заря ушел тренироваться с мечом. Давайте я помогу вам одеться, а после провожу к нему.

Господин Цзи.

Сердце дрогнуло. В сознании мгновенно возник смутный, очерченный светом силуэт. В белой, занесенной снегом пустыне моего разума неожиданно расцвело персиковое дерево.

Этот господин Цзи... он безусловно был для меня дороже всех на свете.

— Веди меня к нему, — проговорил я.

Горный сосновый бор укрыло сединой, на заснеженных ветвях замерли притихшие птицы. Под тяжестью свежего покрова деревья сгибались к земле, и птицы лишь взмахами крыльев стряхивали с себя белые хлопья. Тропа полностью скрылась под сугробами, мир вокруг казался бескрайним белоснежным полотном.

Идти по заснеженной дороге было трудно. Плотно запахнув лисью шубу, я брел медленно и осторожно.

И вдруг среди этой сплошной белизны вспыхнуло яркое, алое пятно. Единственное живое пламя среди царства льда и снега.

Он танцевал с мечом посреди метели.

Клинок, тонкий, точно крыло цикады, рассекал воздух с такой скоростью, что превращался в мерцающий призрак. Алые одежды то взлетали, то опадали, вырисовывая в воздухе стремительные, законченные узоры. Каждое движение было выверено и безупречно.

На всем белом свете остался лишь этот неистовый алый цвет.

Он казался небожителем, сошедшим с луны, духом снежного леса, воплощением моих сокровенных грез.

Глаза заволокло слезами. Память хлынула неудержимым потоком: я вспомнил, кто я, где нахожусь, вспомнил ночные поцелуи — вспомнил всё.

Его образ, подобно священному посоху, смиряющему моря, мгновенно вернул мою заблудшую душу в тело.

Заметив меня, Цзи Минчэнь легко оттолкнулся от земли и, преодолев несколько цзиней в одном стремительном полете, замер прямо передо мной.

— Отчего ты плачешь? — удивился он, бережно смахнув слезу у меня с века.

Я подался вперед, крепко обнял его за талию и, уткнувшись лицом ему в грудь, судорожно сглотнул слезы:

— Поверить не могу, как же сильно я тебя люблю... Пожалуйста, не брошай меня.

Цзи Минчэнь, казалось, растерялся от такой пылкой вспышки и неловко погладил меня по спине:

— Ну-ну, тихо... Перестань плакать.

Сяфэн торопливо вмешался, объясняя:

— Ваше Высочество каждое утро после пробуждения сам не свой ходит, будто душу теряет. А сегодня вы ушли спозаранку, он вас не застал и совсем опечалился.

Цзи Минчэнь на миг замер, а затем склонился к самому моему уху и тихо шепнул:

— Прости меня. Я виноват.

— Ты не виноват, — вытерев слезы, пробормотал я.

Тут я заметил, что его правая рука, сжимающая рукоять меча, слегка дрожит. Я тут же сжал его пальцы в своих ладонях и обеспокоенно спросил:

— Тебе холодно? Тебе ведь только вчера провели сеанс иглоукалывания, яд еще не вышел! Зачем ты выскочил на мороз тренироваться? А если болезнь вернется?!

Он лишь улыбнулся в ответ, крепче сжал мою ладонь и потянул за собой к дому.

Рядом с ним шагалось легко. Не успел я ощутить усталости, как мы уже оказались у деревянной избы.

— Не сердись, — мягко произнес он, когда мы вошли. — Я просто не смог сдержать радости. Снова чувствовать силу в теле — это такое счастье... Вот и не удержался, вышел с мечом.

— И все же нужно соблюдать осторожность, — наставительно ответил я. — Нельзя спешить.

— Хорошо, — с улыбкой согласился он. — Покоряюсь.

Но тревога всё не унималась. Я ощупал его плечо и предплечье, слегка сжав мышцы:

— Здесь не болит?

— Нет, не болит.

Вспомнив, как в экипаже я долго лежал на его коленях и заставил затечь его ноги, я опустил руки ниже и погладил его бедро:

— А здесь? Нога не ноет?

Выражение его лица мгновенно изменилось, а ладонь перехватила мои пальцы.

Я испугался, решив, что он просто переносит боль из упрямства, и, сдвинув руки выше, принялся разминать мышцы у самого основания бедра:

— Наверное, тут болит?

Цзи Минчэнь судорожно сжал колени. Его лицо мгновенно вспыхнуло густым румянцем, а хватка на моей руке стала каменной.

— Не надо... — выдохнул он, заметно волнуясь. — Правда... ничего не болит...

Я недоуменно нахмурился. Он избегал моего взгляда, виновато и смущенно отводя глаза — точно так же, как тогда, в карете. В памяти всплыли его непонятные слова: «Позже я научу

тебя кое-чему еще».

Недоумение в моей душе лишь усилилось.

Чему научит?

Прошлой ночью он учил меня целоваться.

При этой мысли мне стало ужасно обидно.

Почему же прошлым вечером он был со мной так ласков и близок, а теперь не позволяет даже прикоснуться?

Я посмотрел на него с немой укоризной и тихо спросил:

— Почему ты не разрешаешь мне тебя погладить?

<http://bllate.org/book/20619/2140740>